

СЕРБИКА
книжная серия

Драгослав МИХАИЛОВИЋ

ТРЕЋЕ ПРОЛЕЋЕ

Београд
2002

Драгослав МИХАИЛОВИЧ

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

Скифия
Санкт-Петербург
2019

УДК 821.163.41
ББК 84(4Серб)
М69

Република Србија
Министарство културе и информисања

Перевод книги сделан при помощи
Министерства культуры и информации Республики Сербия

Михаилович Д.

М69 Третья весна / Драгослав Михаилович ; [пер. с серб. В. Н. Соколова]. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2019. — 240 с.

Роман о трагедии сербского народа, которую он пережил в последние годы коммунистической диктатуры. Книга будет интересна русскому читателю из-за исторических параллелей в развитии наших стран 50-х – 80-х годов XX века.

ISBN 978-5-00025-171-3

© Михаилович Д., 2002
© Соколов В., перевод, 2019
© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2019

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

**Ч А С Т Ь
П Е Р В А Я**

1.

На исходе третьей зимы свободы в Чуприи случилось нечто небывалое — Раваница начала течь в гору.

После обильнейших предновогодних снегопадов, когда зима еще не укротила свой нор и еще собаку целиком снегом должно заносить, припекло вдруг солнце. И тут же вдоль Большой Моравы задуло, и теплый ветер с юга утром принес преждевременный желтоватый весенний дождик. Пару дней моравские белоголовые горы еще как-то с кислой гримасой терпели его, но потом по руслу Кучая и Везироваца в Равницу, Белицу и Црницу хлынули мутные, злые как осы, буйные потоки, неся перед собой вырванные с корнем кусты и утопших овец с намокшей шерстью.

Темные воды Белицы, Раваницы и Црницы сначала выплеснулись на зеленоватый лед, после чего, сплетаясь в грозные клубки, ворвались под его шкуру. От этого скованная льдом река поднялась, словно прокисшее в квашне тесто, и взбугрилась, поглядывая вокруг как злой бодливый вол. И в одну прекрасную ночь, когда вдалеке, похрустывая и шебурша, трещало что-то вроде сухих веток, лед вскрылся. Уже на заре, лениво тронувшись, река рыгнула, как будто у нее схватило желудок, и, подпрыгивая и сотворяя обратные сальто, вслепую,

наугад, рванула вперед. Высоко вздымая колени и не уклоняясь от русла, она с яростью уничтожала все, что вставало на ее пути.

Раздраженная и злая, со зловещим грохотом река сначала набросилась на железнодорожный мост. Гоня горы льда, она пихала и толкала широкими плечами странную преграду на своем пути, по которому едва ползли перепуганные составы. Металлические опоры под ними скрипели и стонали как во время землетрясения. Преграда никак не хотела сдаваться, но и стихия не желала уступать. И тогда река, непрерывно получая все новое и новое ледяное подкрепление, наслаивая льдину на льдину, изготовилась идти на опасный прорыв.

Моментально из артиллерийских казарм примчался взвод саперов. Солдаты карабкались по громоздящимся льдинам и конструкциям моста не хуже цирковых акробатов, рассматривая заторы в бинокли так, будто им предстояло отбивать танковую атаку. После этого они принялись лупить по льдинам из минометов. За пару дней опасный затор удалось ликвидировать. Темная вода, пестрея светлыми льдинами, неслась меж устоявших быков моста с устрашающей скоростью, обрызгивая ледяными каплями рельсы.

Однако двумя километрами ниже льды наткнулись на низкий, почти залитый водой деревянный мост в конце Главной улицы, который два с половиной года тому назад построили русские. Возвели этот малый мост во время освобождения рядышком со взорванным железным, всего несколько месяцев тому назад, и, пока еще не подняли из воды и не восстановили *большой*, мост этот стоял желтым красавцем. Но теперь, возле восстановленного гиганта, сверкающего свежей охрой, *малый*

вдруг стал похож на всеми забытого, сопливого деревенского племянника, насильно привезенного в город. А поскольку никто не знал, что с деревянным мостом делать дальше, его даже и не пытались облагородить.

Малый мост сопротивлялся недолго. Колышась и изгибаясь, он несколько дней выдерживал напор большой воды. Но потом, барахтаясь как щенок, он превратился в длинный плот, засыпанный сломанными ветками, и прямо по центру реки в него врезался огромный, тяжелый, видимо, снесенный потоком с Ады черный тополь. Нырнув под лед, он с силой ударил в мост, в его, похоже, самое слабое место; мост лег на бок, тем самым подставившись под еще более мощный удар воды, и с хрустом сломался, как тонкая досточка. Под глухой треск и скрежет он сорвался со своих придонных скреп, вытолкнул желтые крепежные шипы, брусья и доски настила и, разломившись на две огромных половины, тронулся по воде, пристав к быкам своего близкого железного родственника.

Так в течение недели реку запрудило во второй раз. Освободившаяся ото льда и запруженная обломками, она, похоже, не представляла особой опасности для железнодорожного моста — солдаты бросили все и вернулись в казармы. И тут река, обезумев, лопнула как перезревший чирей и бросилась во все стороны.

Пока безостановочно лил сильный дождь, Морава была бескрайне серой, похожей на кипящее море. На севере, между Чуприей и Ягодиной, она перегрызла Цариградский шлях, потом размывла насыпь, разбросала вагоны и шпалы, словно зубочистки. То же она сотворила и на юге, между Чуприей и Парачином, и, оставив в покое два поселения на малых островках, затопила

несколько окрестных сел с прилегающими полями. Наконец, она вспомнила и крохотную Раваницу. Искоса хмуро глянув на речушку, залила ее встречным потоком и наполнила до предела. А Раваница, захлебнувшись вешними водами, взбесилась и, чего никогда не бывало, повернула свой ток вспять.

Несчастливым жителям Чуприи не раз доставалось по два несчастья кряду, но чтобы два счастья — никогда. Вот и сейчас те, кто жил подле Моравы, ошалев от свалившейся на них дармовщины, уселись в верткие плоскодонки, вооружились баграми, крючьями, мотыгами и кошками на веревках и начали ловить золотисто-желтые брусья русского моста, которыми они следующей зимой будут с гордостью топить свои печи. А другие, проживающие на берегах Раваницы — дочери Моравы, вынуждены были спасать цыган.

Третьи же и четвертые теми ночами, вооружившись шестами и фонариками, обходили подтопленные дома и следили за уровнем воды; потом Раваница, прижатая Моравой, будто на цыпочках тихо покинула город и вернулась в свое русло. После чего, найдя еще один проход, подло сожрала плотину у Недельковой мельницы и еще раз, галопом, против привычного течения, ворвалась в цыганское поселение, опрокидывая, совсем как испуганная лошадь, бочки и заборы.

В ночи раздавались вопли перепуганных цыган. Вслед за ними взревели военные сирены и зазвонили во всю мочь церковные колокола. Армия, УДБА*, комсомольцы, милиция — все ринулись спасать цыган.

---

* УДБА — серб. Управа за државну безбедност, Управление госбезопасности.

Целых два дня продолжалось спасение скудного цыганского имущества. Потом все еще полноводная Раваница вроде как удовлетворилась и, оставляя за собой грязяищу, вернулась в привычное русло. А спасенные обитатели селения, прихватив уцелевшее барахло, сбились в кучу на дамбе и принялись плевать в затопившую их воду, ожидая, когда с мокрых веток слетят запорхнувшие туда курицы.

Несмотря на шум и панику, причиненный ущерб был невелик. Кроме двух-трех жалких мазанок, которые цыгане мигом восстановят, стоит только установиться настоящей весне, трагически погибли всего лишь несколько куриц, а одной из птиц, на глазах у потрясенных жителей, выпускник местной гимназии, а ныне прапорщик УДБА, сухощавый высокий блондин Светислав Петрониевич по кличке Русский, жертвуя собой, спас жизнь.

В сапогах, полных воды, и в шинели, длинными мокрыми лапами хлеставшей его по острым коленям, он из плоскодонки, на веслах которой сидел милиционер, полез прямо на дерево. Несколько птиц он удачно схватил и швырнул в лодку. Но одна из них, перепугавшись, бросилась ему прямо в лицо, свалилась в воду и под веселые крики любопытных камнем ушла на дно. Светислав выматерился и, не раздумывая, спрыгнул с дерева прямо в грязную ледяную воду. Обезумевшую птицу он вытащил (та сначала прикрывала глаза белой пленкой, потом очухалась и как пьяная замотала головкой), но при этом герой промок насквозь, что и послужило причиной его болезни.